

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	33
Глава 4	48
Глава 5	61
Глава 6	77
Глава 7	91
Глава 8	107
Глава 9	122
Глава 10	136
Глава 11	152
Глава 12	173
Глава 13	187
Глава 14	201
Глава 15	215
Глава 16	229
Глава 17	243
Глава 18	258
Глава 19	272
Глава 20	286
Глава 21	302
Глава 22	317
Глава 23	331

Глава 1

Гром вражеских пушек слышен даже здесь, в штабе Маньчжурской армии в Ляояне. Сам момент удара враг выбрал удачно. Если бы ещё диверсия с тигром-оборотнем удалась, у японцев всё могло прокатить. Обезглавленная армия пребывала бы в растерянности.

Только с этим господ самураев ждал конкретный облом. И командующий, и наместник — оба живы и в полном порядке.

Да и японского наступления ждали со дня на день. Недаром Куропаткин приказал закопаться под Ляояном в землю, возведя две линии мощных укреплений: окопы, редуты, закрытые артиллерийские позиции... И это не считая фортов самого Ляояна.

Есть ещё один немаловажный фактор: численный перевес на нашей стороне — сто сорок тысяч бойцов при шестистах орудиях против ста двадцати тысяч наступающего маршала Оямы — неплохой аргумент.

— Господа офицеры! — звучит уверенный голос Куропаткина. — Помните — играем от

обороны. Наступающий несёт втрое большие потери, чем обороняющийся. Измотаем японца боем, выбьем ему зубы! А там, с божьей помощью, и до победы будет рукой подать! Вы знаете, что делать. От Ляояна я не уйду! Здесь — моя могила!

В приёмной шум и суета. Господа офицеры повалили на выход — сейчас нам всем предстоит вернуться в свои подразделения, которые уже начали бой — слышна ответная канонада нашей артиллерии.

— Господин полковник, — поворачиваюсь к Николову, — жаль оставлять вашего адъютанта без его мундира. К тому же и сам мундир — не в лучшей форме. (О, каламбур вышел!) Если у вас нет иных приказаний, спешу вернуться в свой эскадрон.

— С богом, ротмистр, — Сергей Красенович крепко жмёт мне руку.

— Санинструктор Серебрякова, за мной! — Хватаю Сою за руку и влеку к выходу из приёмной.

Её тонкие пальчики крепко охватывают мою ладонь.

Меня словно электрический разряд пронзает. Чёрт, не время о личных чувствах думать, когда враг попёр в наступление! Тут уцелеть бы!

Прилетит шальной снаряд и всё, песец котёнку... И нам вместе с ним.

Только хочется верить, что тот, кто отправил меня сюда, сделал это не от скуки, а с какими-то

конкретными планами и намерениями на сей счёт. Значит, будем считать, что моя миссия ещё только в разгаре...

Людской водоворот выносит нас на улицу. Проталкиваемся к коновязи. В сёдла!

— Соня! Рысью! Не отставай!

Пришпориваю коня. Бросаю взгляд через плечо. Соня на своей лошадке держится чуть сзади. Умничка! Даже не другая... другой на её месте бы сдрейфил, а она — молодцом, никакой паники.

Вот с кого надо брать пример.

Стучат копыта по пыльным улицам Ляояна. Вражеская канонада усиливается. Хорошо, что бьют японцы только по нашим линиям укреплений, сам Ляоян их пока не интересуется в качестве артиллерийской цели.

И всё равно, как уже отмечал — от случайного снаряда никто не застрахован.

Город остаётся позади. Дорога петляет среди возделанных полей, втягивается в предгорный лес.

Наши с Соней кони бегут бок о бок. Девушка бросает на меня встревоженный взгляд.

— Николая, как думаете, у нас получится отбить японцев?

— Естественно. Командование хорошо подготовилось к их наступлению. Две линии обороны, плюс старые укрепления самого Ляояна...

Стараюсь придать голосу уверенность, хотя самого гложут сомнения — в моей родной реальности, при тех же условиях, по итогам кровавой

месиловки Куропаткин велел армии отступить, опасаясь фланговых охватов и окружения.

Здесь командующий — точь-в-точь как его двойник в нашей истории. Очень нерешительный и чересчур осторожный. И присутствие в обеих армиях демонических существ никаких изменений в общий ход событий в этой реальности не вносит.

Правда, в отличие от моего мира, здесь японское наступление задержалось почти на неделю. Неужели это результат нашего дерзкого рейда по японским тылам?

— Соня, прошу вас... Нет, умоляю — не лезть в окопы на передний край, а оставаться на санитарном пункте. Мы постараемся обеспечить доставку раненых к вам.

— А...

Прерываю её:

— А если с одной отважной девушкой с прекрасными волосами что-то случится на переднем крае, кто тогда будет оказывать первую помощь раненым?

Серебрякова фыркает.

— Надо же! А я думала, причина, что эта девушка не безразлична свежеиспечённому ротмистру и герою войны!

Ох и остёр язычок у мадемуазель Серебряковой.

Накрываю её пальцы своей ладонью — это не просто сделать на скаку, но нам нет преград ни на суше, ни на море...

Рука Сони под моими пальцам вздрагивает, меня словно пробивает небольшим электрическим разрядом.

И почти сразу грудь колет жаром амулет.

Вскидываю голову. Верчу по сторонам. Всё вроде спокойно, но отчего же не слышно птичьего гомона, который ещё совсем недавно был фоном нашей скачки по лесной дороге?

Б-бах! Б-бах! Сдвоенный выстрел грохнул из густого подлеска с левой стороны дороги.

И тут же толчок в левое плечо, острая боль, а мой конь, храпя и закатывая тёмные вишни глаз, заваливается на бок.

Не успеваю соскочить с седла и теперь лежу в дорожной грязи (о, многострадальный мундир!), безуспешно пытаюсь вытащить из-под тела своего скакуна придавленную им правую ногу. Левый рукав набухает кровью. Пытаюсь пошевелить пальцами. Есть, шевелятся. Выходит, нервы и кости не задеты. Свезло.

И самый смак — кобура с револьвером на придавленной части тела.

Соня спрыгивает со своей лошадки и бросается ко мне.

Подлесок трещит ветвями. Из него на дорогу вываливается троица, судя по одеяниям, хунхузов с винтовками в руках. У двоих в руках «арисаки», у одного наша «мосинка». Стволы направлены на нас.

Мелькает мысль, что уж как-то очень вовремя решили пошалить хунхузы на дорогах в наших

ближних тылах. Аккурат под японское наступление подгадали.

Ох, не верю я в такие совпадения!

Откуда в руках берегини взялся блестящий никелированный револьверчик, я так и не увидел.

Хлоп! Хлоп!

Один хунхуз валится неподвижным кулём, второй верещит протяжно, держась за простреленный живот, — сейчас ему точно не до нас. Успеваю краем сознания отметить, что его верещания вовсе не походят на китайский. Скорее, это — японский.

Третий хунхуз вскидывает винтовку в сторону Сони. Девушка впустую щёлкает спусковым крючком своего велодога. Осечка, вторая.

Палец разбойника касается спусковой скобы «арисаки».

Изворачиваюсь немислимым ужом. Мне удаётся каким-то невероятным усилием вытащить из кобуры наган. Толком прицеливаться некогда. Трижды жму на спуск.

Первый выстрел уходит в молоко, второй попадает в ложе винтовки противника рядом с затвором — его выстрел в Сою уходит в сторону. Третья пуля выносит врагу мозг.

Меня мутит — то ли от боли в раненой руке, то ли от потери крови. Соня бросается ко мне.

— Николя!

Чувствую себя, словно в ватной куче. Мир вокруг двоится, троится, посторонние звуки до-

ходят с трудом и очень приглушенными. Любое движение вялое и даётся с огромным трудом.

Пальцы берегини выводят пассы над моей раненой рукой. Дурнота отступает. Боль уходит. Плечо охватывает приятное тепло и щекотание. Глаза Сони прикрыты, губы закушены, скулы заострились, на висках бисерная сетка испарины. Так вот оно как происходит...

Грудь рядом с амулетом резко кольнуло. Кусты, где прятались хунхузы, раздаются в стороны и на дорогу выкатывается этакий гигантский «колобок» из мерзко пахнущего куска мяса. Волночье складки его человекоподобного «лица» расходятся в стороны, обнажая пасть с острыми, длинными зубами. Длинный язык высовывается изо рта чудовища, плотоядно облизывая острые жёлтые клыки.

«Колобок, колобок, я тебя съём!» Это нупеппо — про такое чудовище я только слышал, самому видеть не приходилось. Ну, вот и довелось...

Стрелять бесполезно — в нагане обычные пули, этого монстра они не возьмут, разве что пощекочут. А серебряные кончились ещё в штабе у Куропаткина во время стрельбы по тигру-оборотню.

Монстр всё ближе. Кажется, он даже смеётся — отвратное хихиканье доносится из воючей пасти монстра. Соня вскрикивает от ужаса и омерзения. Я напрягаю остатки сил, извиваюсь ужом, пытаюсь вытащить себя из-под трупа моего коня.

— Соня! Помоги!..

Девушка хватает меня за плечи, тянет из-под коня. Откуда в ней столько силы?

Есть. Припадая на отдавленную правую ногу, встаю перед колобком-нупшеппо. Трофейный вакидзаси с хищным шорохом покидает ножны.

Колобок злобно ощеривается и притормаживает, а потом неожиданно прыгает на меня, снова сбивая с ног.

Боже, ну и вонь! Я чуть снова не теряю сознание. Соня кричит от ужаса, и это вырывает меня из пелены дурноты и тьмы.

Бью вакидзаси в бок монстра, кромсаю его плоть, но, похоже, не очень действует. Его зубы уже рядом с моей шей. На чистой интуиции всаживаю своё оружие в глаз колобку по самую гарду.

Тошнотворный визг прорезает окрестности. На меня льётся дурнопахнущая слизь, оранжевая кровь чудища. Монстр оседает на меня бесформенным комом, придавливая как бетонной плитой — весит он килограммов двести, если не больше.

Ох, и здоровая же тварь!

Кое-как выбираюсь из-под него уже исключительно собственными усилиями. Воняю не хуже, чем сам нупшеппо, перепачканный в грязи, его и своей собственной крови. Меня шатает.

Смотрю на покойного колобка. Про эту тварь рассказывали оч-чень интересные вещи.

Отрезаю два небольших куска вонючего мяса. Соня смотрит на меня с ужасом.

— Николая, что вы собираетесь делать? Зачем?

— Хотите вечной молодости, Софья Александровна?

Берегиня задумывается. Губы закушены, глаза прищурены. Машинально поправляет свои чудесные волосы.

Успеваю бросить взгляд на раненого хунхуза, который, наконец, перестал протяжно верещать. А... уже и не раненый. Отмучился.

— А вы, Николая? Хотите этой самой вечной молодости? Это ведь не вечная жизнь.

— Если только в компании с вами, Софья Александровна.

Мы смотрим друг другу в глаза, не отрываясь. Кажется, что этот взгляд длится вечность. И слов не надо, всё становится понятным и без них.

Жуём на пару вонючее мясо японского коlobка. На вкус оно... вонючее мясо. Интересно, подействует, или рассказы о нуппеппо — обычная байка?

Жаль, не от Николова слышал эту историю, а от знакомых станичников, а казачьи байки, они байки и есть.

— Надеюсь, эта история останется между нами?

— Да, Николая... Мне самой не очень хочется её вспоминать... — смеётся она, и от этого становится ещё более близкой и естественной.

Хорошо мы с ней, наверное, посмотримся... И пахнем соответственно.

Дорога по-прежнему пустынна.

— Соня... Софья Александровна, обождите меня здесь. Надо проверить засаду этих мерзавцев.

— Это хунхузы?

— Сомневаюсь.

— Тогда кто?

— Думаю, что переодетые японские диверсанты. Раненый кричал по-японски, да и японский демон в компании настоящих хунхузов выглядит слишком странно.

— Я... я лучше с вами пойду. Так безопасней.

Ну, безопасней так безопасней. Девушке виднее.

Перед тем как лезть в кусты, проверяю Сонин револьверчик. С ударником всё в порядке, пружина не болтается, выходит дело в патронах.

Извлекаю из камор барабана скомпрометировавшие себя боеприпасы, а заодно и стреляные гильзы. К счастью, мадемуазель Серебрякова — барышня запасливая, запасные патроны у неё имеются. На такой и жениться не грех!

Перезаряжаю девушке револьвер, заодно снаряжаю и свой наган серебряными пулями — мало ли что там в зарослях ещё притаилось.

— Держись... тесь за мной, Софья Александровна.

— Николая, мы одни. К чему субординация? Мы знакомы столько лет...

— Хорошо, Соня.

Отодвигаю и придерживаю ветки за собой, чтобы не хлестнули ненароком спутницу. Револьвер держу наготове. Соня, впрочем, тоже. Прислушиваемся ко всяким подозрительным звукам. Но пока ничего не настораживает, да и амулет молчит, не подаёт признаков жизни.

Тихие конские всхрапывания — словно неожиданный гром. Я от неожиданности чуть не открываю огонь в направлении звуков. Но вовремя останавливаю себя.

Ага, вот и место засады — примятая трава, брошенные в качестве подстилок попоны, расседланные и стреноженные кони хрумкают овсом из надетых на морды торб. Три лошади — коновода, стало быть, нет. Трое «хунхузов» — три лошади.

А «колобок»? Видимо, своим ходом.

— Господи... — еле слышно шепчет Соня, глядя в глубь кустов.

Там стоит еле слышный гул и роятся мухи. Множество мух...

Ох, не стоило тебе глядеть в ту сторону! Три тела в офицерских мундирах. Русских мундирах. Два пехотных поручика и подполковник-артиллерист. Наши предшественники на дороге. Повезло им меньше, чем нам с Соней. Так, не пешком же они шли...

А вот и лошади, вернее то, что оставил от них прожорливый нуппешпо. Внутренности и кости с остатками мяса и сухожилий. Основной мушинный рой — на них.

Со стороны дороги тихий шорох. Успеваю приложить указательный палец к губам, призывая Соню сохранять максимальную тишину, сам осторожно разворачиваюсь...

На нас смотрят дула пяти винтовок.

— Ага! Попались, разбойники! Руки вверх!

— Спокойно, братцы, свои, — держу руки так, чтобы казачки видели мои мирные намерения, и что я не собираюсь пускать в ход свой револьвер. — Ротмистр Гордеев, командир эскадрона особого назначения Второй кавалерийской бригады. Со мной вольноопределяющаяся Серебрякова, наш санинструктор.

Казачки опускают винтовки.

— Виноваты, вашбродь, не сразу признали. Вахмистр 2-го Аргунского полка Митрохин. Со мной казаки Вотяков, Ларионов, Курдюмов и Тырымов. Там на дороге разбойники китайские, мертвяки, и чудище непотребное. Это вы их с барышней?

— Мы. Только это не хунхузы, японцы переодетые. Засада. — Киваю на трупы наших несчастных предшественников на дороге. — Вот, подполковнику и двум подпоручикам не повезло.

Казачки снимают папахи, крестятся.

— Упокой, Господи, души воинские...

Мы с Соней тоже крестимся и шепчем молитву.

— Вахмистр, карандаш и бумага есть?

— Имеются, вашбродь. Только не обессудьте...

Казак протягивает мне огрызок химического карандаша и довольно мятый неровный лист бумаги.

Быстро набрасываю краткий рапорт о произошедшем на дороге для Николова. Упираю на то, что обе диверсии: и тигр-оборотень, и засада на дороге — звенья одного хитроумного вражеского плана, призванного помочь японскому наступлению и посеять панику и неразбериху в управлении нашими боевыми частями.

Эх... узнать бы, кто у японцев такой умник по части диверсий. Ну, да пусть этим контрразведка занимается, а моё дело — быть на переднем крае.

Ещё раз пробегаю текст глазами. Вроде всё написал, что имел сказать многоуважаемому Сергею Красеновичу.

— Рапорт надо доставить в штаб, подполковнику Николову из Управления 2-го генерал-квартирмейстера Главного штаба. В контрразведку, — уточняю я. — Найдёшь, кого послать?

— А то. — Вахмистр поворачивается к своим казакам. — Тырымов!

Тырымов прячет рапорт в папаху, козыряет и исчезает в кустах.

Мы с Соней и казаками выбираемся на дорогу, когда топот коня нашего гонца тает за поворотом. Лошадка Сони как ни в чём не бывало щиплет травку на обочине, переступая копытами.

— Господин ротмистр, — при посторонних Соня обращается ко мне по уставу. — Мы ведь сможем ехать вдвоём на моей лошади?

- Полагаете, Боливар вынесет двоих?
- Боливар?
- Не обращайтесь внимания, неудачный каламбур... — Похоже, в этом мире О`Генри ещё не написал свой знаменитый рассказ¹.

Беру лошадку Сони за повод, и в этот момент моя спутница внезапно начинает оседать. Еле успеваю подхватить девушку, не давая ей упасть на землю. Бледная, аж с прозеленью, глаза закатились, дыхание редкое.

— Соня! Сонечка!

Господи, что с ней? Неужели мясо проклятого нупнеппо так подействовало? Ведь сам же ей предложил попробовать!

Хм... но со мной всё в порядке, даже чувствую себя бодрячком, несмотря на ранение, потерю крови, отдаленную павшим в бою конём ногу и общую усталость после всех бурных событий этого суматошного дня.

Вахмистр деликатно кашляет в кулак.

- Что, Митрохин?
- Вашбродь, барышня — берегиня?
- Ну да. Есть такое дело.
- Лечила вас? — казак показывает на моё окровавленное плечо.

Утвердительно киваю.

¹ «Деловые люди», рассказ О`Генри, в котором прозвучала эта «историческая фраза» — «Боливар не вынесет двоих», будет напечатан только в 1910 году. А на русский язык впервые его переведут аж в 1923-м.